

ПОЛИТИЯ

Л.Е.Бляхер

ЧЕГО БОЯТСЯ И КАК ВЫЖИВАЮТ БЮДЖЕТНИКИ

По материалам эмпирического исследования¹

Ключевые слова: бюджетники, стратегии выживания, социальные сети, формальное регулирование, теневая активность

¹ Исследование проводилось при содействии Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» в рамках работы над проектом «Предприниматели Дальнего Востока: стратегии выживания в условиях кризиса» (грант № 2015007).

² См., напр. Плюсин 2016.

³ Geertz 1978.

⁴ Скотт 2005.

⁵ Подробнее см. Алексеенкова, Сергеев 2008.

⁶ Зубаревич 2015.

⁷ Paneyakh 2014.

Современный экономический кризис в России активно обсуждается на самых разных площадках. Среди прочего отмечается, что он обнажил не только специфические черты российского «рынка», но и иные, заметно отличающиеся от рыночных способы организации хозяйства², прежде всего на микроуровне. Эти способы и их носители существуют за пределами официальной статистики, за пределами общественного дискурса. Разумеется, такая ситуация не является чем-то уникальным. Нечто подобное описывал и Клиффорд Гирц³, говоря о «восточном базаре», и Джеймс Скотт, рассуждая о людях за пределами государства⁴.

При всех различиях упомянутых казусов между ними есть определенное сходство, позволяющее приводить их «через запятую». В условиях, когда институциональное доверие между социальными агентами оказывается разрушено или подорвано, возникает механизм, компенсирующий эту утрату и связанный с доверием на межличностном уровне⁵. Формируется социальная сеть (социальные сети), в рамках которой осуществляются и социальные, и хозяйственные транзакции. Внутри сети происходит движение информации, определяющей поведение ее участников, выстраивается система безопасности. По сути, сеть, которая, конечно, может быть достаточно разветвленной, перестает нуждаться во внешней коммуникации или, во всяком случае, минимизирует ее, что во многом затрудняет ее фиксацию и описание. О наличии подобной сети мы нередко можем судить лишь по отсутствию ожидаемой корреляции между, скажем, снижением макроэкономических показателей и уровнем жизни или между падением уровня жизни и политической активностью. Такое развитие событий мы наблюдаем сегодня в России⁶.

По мере распада или демонтажа институциональной системы⁷ люди выстраивают систему персональных контактов, которые все больше заменяют собой иные формы регулирования социальных взаимодействий. Попытки вмешательства в эту систему извне, в том числе на институциональном уровне, воспринимаются (и чаще всего справедливо) как насилие, одной из форм защиты от которого является стремление максимально дистанцироваться от официальной (статистической)

реальности. Собственно говоря, фиксация такого стремления в современной России и побудила меня обратиться к модели и терминологии Скотта. Однако рассматриваемый мною объект весьма специфичен. Россияне, дистанцирующиеся (или старающиеся дистанцироваться) сегодня от легальных форм социального и хозяйственного взаимодействия, не просто знают об их наличии, но и в большей или меньшей степени интегрированы в официальную реальность. Они существуют на ее границе, нередко играя одновременно на нескольких социальных полях, и некоторые из этих полей носят вполне легальный и легитимный характер. Тем не менее без учета «тени» легальная часть их деятельности с трудом поддается объяснению. Особенно отчетливо данная тенденция выявляется при анализе способов адаптации к условиям кризиса даже не столько предпринимателей, сколько бюджетников, для которых сокращение государственных расходов и обязательств должно было стать (и отчасти стало) серьезным и неожиданным испытанием.

Сам по себе термин «бюджетники» возник на рубеже 1980—1990-х годов⁸, когда наряду с людьми, работавшими «на государство»⁹, стали появляться те, кто зарабатывал на жизнь иными способами. Первоначально он использовался для обозначения всех получавших зарплату из бюджета того или иного уровня, однако со временем его значение сузилось. Постепенно он перестал употребляться по отношению так называемых «казенникам» (сотрудникам правоохранительных органов, военнослужащим и т.д.), и сегодня под бюджетниками, как правило, понимаются врачи, учителя, преподаватели вузов, работники учреждений культуры и т.п.

В 1990-х годах ввиду известной размытости статуса новых социальных групп бюджетники, бывшие очевидными аутсайдерами реформ¹⁰, тем не менее сохраняли немалый культурный и социальный капитал, доставшийся им в наследство от СССР¹¹. Такая двойственность (аутсайдеры, обладающие значимым социальным и культурным капиталом) во многом определяла отношение к ним на политическом уровне. За бюджетников (как электорат) боролись, их бедность педалировалась¹², а сами они объявлялись носителями высоких моральных качеств.

Именно бюджетники стали одними из признанных бенефициариев эпохи высоких цен на нефть и активной социальной политики¹³. Не то чтобы они были главными получателями нефтяных доходов, но их угнетающе низкий статус как аутсайдеров предшествующего десятилетия несколько повысился. Да и материальные показатели двинулись вверх¹⁴. Растущие зарплаты, еще не полная бюрократизация деятельности (хотя в тот момент казалось, что хуже быть не может), внезапно открывшаяся возможность войти в мир потребления и многое другое существенно изменили не только жизнь, но и самовосприятие бюджетников. Не случайно в ходе формализованных опросов (в том числе проводившихся с участием автора в Хабаровском крае) представители групп, объединяемых термином «бюджетники», относили себя к среднему классу.

⁸ См., напр. *Справедливые требования 1990*.

⁹ В советские годы, несмотря на наличие колхозов и кооперативов, государство *de facto* выступало единственным легальным работодателем.

¹⁰ Панеях 1997.

¹¹ Шурыгина 2001.

¹² Барсукова 2005.

¹³ Горшков 2011.

¹⁴ Симонян 2012.

Понятно, что в изменившихся условиях эти группы испытывают серьезную депривацию. Социальный капитал и реальный материальный статус опять вступают в противоречие. Пока это противоречие не особенно сказывается на результатах опросов общественного мнения¹⁵, но уже проявляется в сокращении потребления, в переходе в режим выживания, о котором сегодня активно пишут и исследователи, и публицисты¹⁶.

¹⁵ ВЦИОМ 2015.

¹⁶ См., напр. Тихонова 2014; Хамраев 2015.

¹⁷ Телевизор 2016.

Собственно, о борьбе «партии телевизора» и «партии холодильника»¹⁷ говорят уже не первый год. С победой «холодильника» над «телевизором» связывают возвращение в страну политики и кризис «путинского большинства».

Гораздо меньше внимания уделяется тому, чего боятся работники бюджетной сферы, как они выживают или, что чаще, собираются выжить, почему снижение уровня жизни редко оборачивается ростом социально-политической активности, за исключением отдельных эпизодических актов гражданского протеста. Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья. Эмпирическую основу исследования составили материалы формализованного опроса, проведенного автором осенью 2015 г. в Хабаровске, и серии биографических интервью с работниками хабаровских бюджетных организаций (высшая и средняя школа, учреждения культуры, здравоохранение), собранных в ноябре 2015 — марте 2016 г.

Конечно, Хабаровск — это только один и не самый значимый город в стране. Более того, даже если происходящее в нем вполне типично для нестоличных городов России середины второго десятилетия XXI в. (о чем свидетельствуют косвенные данные¹⁸), вполне очевидно, что сельские бюджетники представляют собой особую группу, находящуюся в других условиях, как и бюджетники столичные. И все же есть основания полагать, что сам механизм выживания и порождающие его процессы носят достаточно универсальный характер и их можно проследить, опираясь на результаты локального полевого исследования.

¹⁸ Павлов 2015.

Но прежде чем рассуждать о сегодняшнем дне, необходимо предпринять небольшой экскурс в прошлое, когда бюджетная сфера, особенно провинциальных городов, выживала. Я далек от мысли, что ситуация второго десятилетия XXI в. просто воспроизводит или воспроизведет в будущем период «лихих девяностых». Однако понять происходящее в среде бюджетников без учета того обстоятельства, что немалая часть из них обладает опытом 1990-х, как мне кажется, будет довольно сложно. Ведь образ «новых бедных» конца XX столетия был гораздо больше распространен в публицистике или соответствующих исследованиях, нежели в реальности, где адаптационные механизмы включились относительно быстро¹⁹. Эти механизмы я и рассмотрю ниже, используя в качестве эмпирического материала коллекцию биографических интервью с врачами, учителями и работниками вузов, собранную в 1996—1999 гг. в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, и некоторые вторичные данные²⁰.

¹⁹ Беляева 2001.

²⁰ Воронин 2001.

**«Рабочая сеть»
бюджетника
1990-х**

В начале 1990-х годов снижение статуса прежде привилегированных профессий, связанных с массовым интеллектуальным трудом, которое происходило еще в позднем СССР, резко ускорилось. Рост зарплат не компенсировал гиперинфляцию, моральный же авторитет «говорящего класса» распространялся лишь на узкий круг акторов, входящих в группу, именуемую бюджетниками, большая часть которой ассоциировалась с прошлым, с отвергнутым политическим режимом. Оттеснив «разоблачителей» эпохи перестройки на второй план, новыми героями оказались представители бизнеса и криминалитета. Первые были провозвестниками свободного мира, вторые же взяли на себя функции ослабевшего государства, которое едва ли не до конца 1990-х годов просто не видело новой реальности, не могло выполнять свои социальные обязательства²¹.

²¹ Волков 2012.

В этих условиях вполне можно было ожидать катастрофического падения уровня жизни бюджетников, брошенных государством. Собственно, на уровне общественного сознания так и происходило. Образ «нищих доцентов» (врачей, учителей и т.д.) стал одним из устойчивых стереотипов тех лет. Однако реальность мало соответствовала этому стереотипу. Имевшийся у бюджетников социальный и культурный капитал достаточно массово конвертировался в дополнительный доход.

Показательно, что доля людей, по собственной воле полностью оставивших низкооплачиваемое и непрестижное бюджетное рабочее место, в средних, да и крупных нестоличных городах была относительно невелика. По экспертным оценкам, она не достигала и 10%. В чем же заключалась его ценность? Материалы интервью (и мои личные наблюдения того времени) позволяют выдвинуть гипотезу, что труд бюджетника неизбежно был сопряжен с интенсивным общением, порождавшим сложные социальные сети. В ходе такого общения и возникал социальный капитал профессии. Работа учителя и врача, вузовского преподавателя и артиста, скульптора и реставратора так или иначе подразумевала коммуникацию с широким кругом людей. Это и стало основой для выживания. Наличие связей было важным ресурсом еще в советские времена. С крушением советской системы оно превратилось в ресурс определяющий.

Можно выделить несколько базовых стратегий адаптации к новым социально-экономическим условиям, сложившихся в ранний постсоветский период. Большинство из них было связано с конвертацией профессиональных навыков в дополнительный доход.

Одна из стратегий, часто упоминавшихся в интервью, предполагала использование практик, возникших еще в советский период.

«Я всегда давала частные уроки. Школьное преподавание иностранного языка, когда два урока в неделю, это заведомая профанация. А тут оказалось нужно хоть минимальное умение общаться на языке, писать, читать. У меня тогда больше десятка учеников было постоянно. Зарплата просто как бы не считалась. <...> Зачем

на работу ходила? Так через работу в основном ученики и шли» (женщина, 36 лет, преподаватель английского языка, интервью 1997 г.).

Репетиторство становится важной стратегией выживания не только для преподавателей иностранных языков. О репетиторстве как о существенном или определяющем источнике заработка говорили преподаватели русского языка и литературы, музыки, математики.

«Математика сейчас не популярна. Все же бизнесмены. Но ребенку выпускной экзамен по математике все равно сдавать приходится, а где-то и вступительный. Потому и ученики обычно бывают» (мужчина, 41 год, учитель математики, интервью 1998 г.).

Конвертация профессиональных навыков в дополнительный доход могла принимать форму организации собственного дела. Эта стратегия характерна прежде всего для первых (еще советских) программистов, компьютерщиков, инженеров.

«Когда первые банки появились, биржи всякие... им программное обеспечение подавай, корпоративные сети, электронную почту. Они же типа крутые. А это наши все бывшие студенты. К нам и прибежали. Ну мы прикинули с мужиками, сделали все. Они нам денежку отвалили. Нормально так. Деньги тогда шальные были. Потом, через пару месяцев, другие подошли. А там пошло уже само. Мы тогда и фирму зарегистрировали. До сих пор и крутимся. Хотя в вузе тоже преподавали долго. Кто-то и сейчас преподает» (мужчина, 46 лет, инженер, кандидат технических наук, интервью 1999 г.).

Профессиональные умения могли направляться также в ранее отсутствовавшие или маргинальные сферы. В частности, в интервью упоминались преподаватели физкультуры и тренеры, которые начали подрабатывать в «качалках», прообразе будущих фитнес-центров.

Развитие частного сервиса заметно расширило возможности представителей художественной сферы. Интерьерные работы, не такие помпезные, конечно, как в «нулевые» годы, были вполне востребованы, а оплата услуг музыканта в ресторане, по словам одного из респондентов, могла вдвое превышать его жалование по основному месту работы. Традиция «благодарить» хорошего врача постепенно превращалась в еще не всегда легальную, но вполне функционирующую систему платных медицинских услуг. Некоторые конвертировали в доход непрофессиональные навыки, хобби, увлечения. Часть преподавателей и исследователей, особенно младшего поколения, ориентировалась на международные гранты, переводы и т.д.

Перечисление стратегий выживания бюджетников в 1990-е годы, особенно в первую их половину, можно продолжать долго. Многие из них выходили за рамки формального закона и плохо вписывались в моральный кодекс строителя коммунизма. Но были социальные характеристики, общие для всех или, по крайней мере, большинства этих стратегий.

Первая и важнейшая из таких характеристик заключалась в том, что конвертация профессиональных навыков в дополнительный доход

редко осуществлялась в рыночной форме, как производство некоей востребованной услуги или товара для абстрактного круга потребителей. Даже став предпринимателями, бюджетники 1990-х годов продолжали ориентироваться на вполне определенный круг заказчиков («друзья», «хорошие знакомые», «свои люди»). Сам же этот круг формировался не в ходе производства или сбыта услуги, а на том самом бюджетном рабочем месте, доставшемся в наследство от исчезнувшей страны. В силу низкой престижности здесь возникала среда с практически полным отсутствием конкуренции, крайне благоприятная для возникновения социальных сетей.

Через эти сети распространялись сведения об услуге, формулировалось и оформлялось само предложение, осуществлялся «маркетинг», напоминающий тот, что описан Гирцем применительно к восточному базару, складывался круг постоянных клиентов. Здесь же циркулировала информация об опасностях и рисках, способах их преодоления, формах дистанцирования от внешнего воздействия.

Это позволяло решить сразу несколько проблем, с которыми сталкивалось экономически активное население в тот период. Во-первых, сеть гарантировала качество услуги и аккуратность оплаты, страхуя участников транзакции от неприятных неожиданностей в виде недобросовестности партнера²². Человек, «кинувший своего» или оказавший ему некачественную услугу, просто выпадал из сети. Конечно, такая тактика не предполагала (хотя, как показывают интервью «нулевых» годов, не исключала) расширения бизнеса. Но в тот момент речь шла не о расширении, а о выживании.

Во-вторых, при сетевом распространении услуги (товара) можно было минимизировать интерес к своей особе со стороны как официальных правоприменителей, так и «крыш» (различавшихся в ту пору преимущественно степенью легальности). Кроме того, по сетям (в состав которых обычно включался и представитель упомянутых структур) поступала информация о возможных проверках, «наездах» и прочих опасностях.

В-третьих, наличие подобной сети давало возможность более или менее комфортно пережить трудные годы, что, собственно, и было основной ее функцией.

Доход от такого рода дополнительной занятости мог составлять половину дохода от занятости легальной, но мог и в два-три раза превышать его. Тем не менее даже в последнем случае эта занятость редко становилась новым пространством самореализации, по большей части оставаясь лишь способом выжить в экстремальных условиях. Причина — статусная неопределенность или откровенная непрестижность соответствующих видов деятельности. При всех перипетиях первых постсоветских лет социальный статус учителя, преподавателя вуза, ученого, артиста, художника был хоть и реликтовым, но достаточно высоким, и расставаться с ним они не спешили. Да, музыкант на сцене получал много меньше, чем тапер в ресторане, но там он был

²² О значимости этой проблемы в 1990-е годы см. Бляхер 2000.

«кумиром публики» (даже если это 25 старичков в провинциальном городке), тогда как в ресторане, по выражению одной из респонденток, *«чем-то вроде официанта, только за роялем»*. О той же проблеме говорили преподаватель иностранного языка, тренер, учитель русского языка и литературы.

Там, где статус новой деятельности сформировался (в интервью упоминались тренер по фитнесу, частный врач, политический консультант, IT-специалист и некоторые другие профессии), превращение ее в основную было вполне вероятным. В противном случае «подработка», даже вполне доходная, продолжала осмысляться как временная и побочная. Видимо, этим и объяснялся достаточно массовый отказ от нее, как только без нее стало можно обойтись.

К рубежу столетий социальные стратегии бюджетников стали трансформироваться, приближаясь к своей официальной форме. Не то чтобы прежние виды деятельности, которые позволяли выживать в первой половине 1990-х годов, в эпоху борьбы «крыш» и «региональных баронов»²³, перестали кормить. Просто появились новые, менее хлопотные и более одобряемые социально способы решения этих проблем. Смысловым центром продолжало оставаться рабочее место, но связанные с ним материальные возможности существенно изменились.

Несколько подросли зарплаты²⁴. Но еще более важным было возникновение новых возможностей заработка на рабочем месте (получение российских, в том числе внутривизовских, грантов, оказание платных медицинских услуг и т.п.), причем подобные «дополнительные доходы» порой заметно превышали основной оклад.

В этих условиях экономическая активность бюджетников начинает снижаться. Исчезает необходимость дистанцироваться от государства, которое вполне заменяет прежние формы самоорганизации. Как следствие, упрощается и размыкается во внешнее пространство сеть, тем более что информация теперь (по крайней мере, в «нулевые» годы) распространяется по официальным каналам, а выживать вполне можно за счет высокостатусной и вполне легальной деятельности. Опыт 1990-х годов не утрачивается, но переходит в латентное состояние, связи поддерживаются, но уже как сугубо дружеские, а не деловые. Обмен реальными услугами сменяется символическим обменом (подарки на дни рождения, праздники, совместные выезды на природу и т.д.).

Новое же поколение бюджетников, начавших трудовую карьеру в «нулевые» годы, просто не видело необходимости в дополнительных формах активности. Они сразу входили во вполне благополучный мир или рассчитывали в него войти. Более или менее усвоив правила этого мира, они стремились выстроить жизнь по его лекалу. То, что само это «лекало» являлось продуктом сложного и рискованного опыта, эксперимента, не осознавалось: *«так было всегда»*.

«Еще недавно лучше работы, чем профессор в университете, и не представишь. Да, денег немного меньше, чем у чиновника или ФСБшника. Зато головной боли на порядок меньше. Живешь себе

²³ Bliakher 2013.

²⁴ По свидетельству респондентов, к 2010 г. зарплаты выросли на четверть, а то и на половину по сравнению с началом «нулевых».

спокойно, умные книжки читаешь, занятия ведешь, пописываешь. А тебе за это платят. И, кстати, совсем неплохо» (мужчина, 32 года, преподаватель вуза).

Рост доходов дал бюджетникам возможность ездить по миру и прикоснуться к обществу потребления, причем за счет вполне легальной и привычной деятельности. Но именно она сегодня попадает под удар. Это и вызывает депривацию. На ее фоне развивается широкий спектр социальных фобий, страхов перед будущим, сказывающихся на поведении людей здесь и сейчас. Ситуация усугубляется тем, что легальные дополнительные доходы возникли отнюдь не потому, что наука, образование, здравоохранение и искусство оказались востребованы государством, как «наука о бомбе» в СССР. Речь скорее идет о том, что бюджетной сфере достались капли от общего «золотого дождя», пролившегося на страну.

По мере того как бюджетное финансирование возрастало, у распределяющих его чиновников возникал резонный вопрос: за что они платят? Поскольку осознание необходимости этих видов деятельности (кроме лозунгов о качественном образовании и здравоохранении, за которыми редко стояло что-либо конкретное²⁵) de facto отсутствовало, начался поиск «объективных критериев» оценки. Их активное внедрение в «нулевые» годы делало профессиональную деятельность бюджетников все менее комфортной²⁶.

Параллельно развивалась борьба с коррупцией, ставшая чуть ли не знаменем эпохи. И так как борьба с коррупцией во власти (точнее, борьба между властными группами, принимающая такую экзотическую форму²⁷) — относительно недавнее изобретение, коррупцию обнаруживали главным образом в образовании и здравоохранении.

Понятно, что все это не могло не отразиться на привлекательности легального пространства, пребывание в котором оказывалось сопряжено со все большими рисками. Однако желания бороться за свои права у бюджетников не возникает. Несмотря на растущее недовольство «засильем бюрократии» (в том числе среди самих «бюрократов»), ситуация воспринимается фаталистически.

«Видишь ли, Академию создало государство. Можно много вспоминать про Ломоносова, Вавилова, Ландау. Только суть одна. Академия — государственная структура. И содержало ее государство для создания новых видов оружия... Ну, еще всяких гуманитариев для идеологии. Сегодня государство говорит, что Академия ему не особенно нужна. Похоже, что так тому и быть» (мужчина, 60 лет, директор научного учреждения).

Сходным образом реагируют на изменения в своем положении работники сферы образования и культуры. Реакция медиков чуть менее острая: *«Люди всегда болеют, а потому мы без куска хлеба не остаемся...»* (мужчина, 44 года, врач). Тем не менее страхи присутствуют повсеместно. У тех, кто имеет опыт 1990-х, и у тех, кто его лишен, они проявляются по-разному, но сам их смысл вполне соотносим.

Итак, чего же боятся работники бюджетной сферы?

²⁵ *Рогозин 2012.*

²⁶ *См. Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. 2014.*

²⁷ *Подробнее см. Бляхер, Пегин 2012.*

**Общие страхи
в бюджетной
сфере**

При обилии опасений и тревог, имеющих индивидуальный характер, достаточно отчетливо выделяются и общие страхи. Судя по частоте упоминаний в интервью, бюджетников страшат прежде всего: (а) перспектива увольнения и потери профессионального статуса; (б) сокращение доходов, бедность; (в) произвол со стороны «бюрократов». Остальные угрозы (международные санкции, невозможность путешествовать, утрата трудоспособности, происки американцев, глобальное потепление и т.д.) существенно уступают лидерам, которые в том или ином виде представлены во всех интервью.

Наиболее массовый страх связан с увольнением, ликвидацией учреждения, отдела, подразделения. Может исчезнуть то самое рабочее место, которое обеспечивало выживание и в 1990-е, и в «нулевые» годы, i.e. сама основа для формирования социального капитала. В этом страхе присутствуют сразу два пласта: ухудшение материального положения и одновременно утрата статуса, который осознается как высокий и желанный.

«Я каждый раз иду на работу и подсознательно жду, что нас по какому-нибудь критерию министерство признало неэффективным и закрыло. Понимаю, что закроют не всех, но жду» (мужчина, 62 год, преподаватель).

Отношение к возможной потере работы у разных возрастных групп неодинаково. Респонденты 41–55 лет считают увольнение серьезной, но не фатальной проблемой. Их социальный капитал уже сформирован и не особенно зависит от формального наличия соответствующего рабочего места. Однако опасность осознается и переживается. Но наиболее остро переживают ее люди от 30 до 40 лет и лица предпенсионного (пенсионного) возраста.

«Я надеюсь, что увольнение мне не грозит. Я стараюсь все требования выполнять, соответствовать... всем критериям. Статьи вот публикую. Знаешь, сколько это сейчас стоит? Мероприятия со студентами провожу. Хотя в принципе увольнение возможно. Сокращения идут постоянно. <...> Что буду делать, если все-таки сократят? Даже не знаю» (женщина, 39 лет, преподаватель вуза).

«Трудно это все. Был бы лет на 15 помладше, проблем бы не было. Сейчас уже тяжело будет с нуля начинать. Силы не те. Конечно, если уволят, куда я денусь, буду крутиться. Но хочется уже досидеть как-нибудь до конца. Осталось уже три года. А там хоть пенсия будет» (мужчина, 57 лет, преподаватель вуза).

Самой неожиданной (для автора) оказалась реакция младшей возрастной группы. Здесь карьера, как и само рабочее место, зачастую ценится не очень высоко, уступая по значимости хобби, частной жизни и даже веселому времяпрепровождению.

«Видите ли, мне все эти грамоты или там должности, карьера до лампочки. Мне нужна зарплата, деньги. Мне нужна семью кормить. Как — это даже не второй вопрос, а [пауза] десятый».

Ну... кое-что прикупить для моих дел, не для денег. Пока мне хватает, я здесь работаю. Перестанет хватать, в тот же день уволюсь. Пойду мобильными телефонами торговать или компьютеры обслуживать. Не устраюсь здесь, уеду в другой город» (мужчина, 27 лет, преподаватель вуза).

Похоже, что ценность рабочего места как некоего смыслового центра и пространства образования социальных сетей здесь не сформировалась. Сети в младшей возрастной группе складываются и поддерживаются по иным законам. В интервью представители этой группы в качестве источников своих связей называли друзей по школе или университету, соседей и т.д. Друзья из рабочего окружения упоминались крайне редко. При этом друзьями они становились помимо «службы» — как правило, раньше.

Понятно, что возрастные критерии не абсолютны. Среди 30—40-летних есть носители иных стратегий, да и «пенсионеры» часто не сомневаются в своей защищенности в случае увольнения: *«Пока кобели есть, те, кто умеет лечить триппер, без дела не останутся»* (мужчина, 61 год, врач). Однако тенденция прослеживается достаточно отчетливо. Старшее поколение, имеющее опыт выживания в 1990-е годы, относительно уверенно смотрит в будущее, но дорожит рабочим местом как инструментом получения дополнительных доходов (в том числе коррупционного толка, хотя и не только). Поколение, чье становление и первые карьерные шаги пришлось на благополучные годы, пребывает в большей растерянности, более склонно к гиперболизации и смакованию негатива. Здесь рабочее место и особенно профессиональная принадлежность составляют высшую ценность, крушение которой обесмысливает дальнейшую жизнь. Младшее поколение изначально дистанцировано от легально одобряемых стратегий, существуя даже не в конфликте с ними, а помимо них. В данном случае ценности частной жизни превалируют над любой публичностью.

Следующий страх — сокращение доходов. Причем речь далеко не всегда идет о сокращении зарплат. Доходы бюджетников, как уже отмечалось, складываются из разных выплат. По словам большинства респондентов, именно они и сокращаются.

Можно выделить несколько вариантов реакции на такое сокращение. Некоторые респонденты видят выход в минимизации расходов, отказе от уровня потребления, ставшего доступным в годы «просперити».

«Мы с женой прикинули. Нам пенсии вполне хватит. Ну ездить не будем. Так и не очень хотелось. Уже возраст не тот. Если готовить, заготовки с лета делать, то денег совсем немного нужно. Я думаю, что нормально проживем» (мужчина, 61 год, преподаватель вуза).

Однако многие намерены подрабатывать на стороне. Здесь, как правило, и вспоминаются виды деятельности, помогавшие выжить в 1990-е годы, — разумеется, с учетом того, что этим людям сегодня на 20 лет больше.

«Понятное дело, что вагоны разгружать я уже не пойду. Возраст не тот. А вот тренировать, пузо убирать, толстые задницы еще вполне могу. Тожэ уже непросто. Этим гореть нужно, а у тебя пенсия на носу, поясница болит. <...> Но куда я денусь? Буду зарабатывать» (мужчина, 55 лет, тренер).

Примечательно, что подобного рода стратегия выживания связывается с возобновлением работы социальной сети, с ориентацией на «друзей».

«Ну какие тут возможны действия? Самые разные. В 90-е мы машины чинили. Лучше, чем китайцы, и дешевле, чем на СТО. Сегодня, если что, пойдём по тому же пути. Руки работают, голова работает. Друзья помогут с клиентами. <...> Понты отойдут, типа мы только у Toyota обслуживаемся. Побегут к нам» (мужчина, 48 лет, преподаватель вуза).

Представители среднего поколения (от 30 до 40 лет) тоже рассчитывают на помощь друзей при возможном падении доходов. Однако здесь пока доминирует ориентация на традиционные «полставки», гранты и т.д.

Особого внимания заслуживает страх перед всеильными (и одновременно безграмотными) «чиновниками», которые препятствуют нормальной работе профессионалов-бюджетников, создавая для них все новые и новые проблемы.

«Видите ли, на вуз сегодня сыпется невероятное количество бумаг: запросы, уточнения, инструкции, нормативы. Всего не перечислить. Если бы переложить эту работу на преподавателей или на нормальных чиновников университета, то учебный процесс бы просто остановился. Нам всем пришлось бы писать и писать бумажки» (мужчина, 57 лет, проректор вуза).

В результате чиновного вмешательства сама работа перестает доставлять удовольствие, а вероятность ее утраты резко повышается. При этом о нарастании бюрократизма как о главной беде и угрозе наших дней говорят не только врачи, учителя и артисты, но и административные работники. Пожалуй, страх перед набирающим силу бюрократическим давлением — единственный, что относится к уже наступившему. Другие главные страхи бюджетников пока касаются возможного будущего. Даже в случае материальных проблем речевая конструкция в интервью, как правило, выглядит следующим образом: «Если это произойдет, то тогда...».

Способы адаптации

Итак, в ближайшем будущем бюджетники, по их мнению, могут столкнуться с потерей рабочего места и (что еще более вероятно) сокращением доходов. При этом уже в настоящем их рабочее место во многом утратило былую привлекательность в силу лавинообразной бюрократизации. Эти три фактора и предопределяют особенности процесса социальной адаптации наиболее активной части бюджетников.

Какова же сама эта часть? Приблизиться к ответу на этот вопрос позволяют данные о значимости для работников бюджетной сферы дополнительных заработков (тех, что не находят отражения в трудовой книжке, не оформляются договором), полученные в ходе формализованного опроса²⁸.

²⁸ Опрос проводился осенью 2015 г. Генеральная совокупность — работники бюджетных организаций Хабаровска. Опрошено 326 человек в возрасте от 22 до 65 лет. Тип опроса — поквартирный.

Согласно опросу, дополнительные заработки, то есть доход, не связанный с основным местом работы, имеют 44,5% респондентов. Само наличие таких заработков довольно равномерно распределено по бюджетным секторам (несколько отстают работники клубов и библиотек). Вместе с тем бросается в глаза дифференциация по возрастным группам. Меньше всего имеющих дополнительный заработок среди 30—40-летних — 7,3%. Относительно невелика их доля и в старшей группе (55—65 лет) — 9,2%. В группе от 41 до 55 лет таких уже 40%. Но наиболее активна в этом отношении младшая группа, где подрабатывают свыше 60%. Особо следует отметить, что для 34,3% респондентов дополнительный заработок играет существенную роль и составляет основу экономики семьи. Таким образом, при всей ограниченной репрезентативности полученных данных можно констатировать, что уже сегодня, когда страхи отнесены в будущее, подработки — явление достаточно распространенное среди исследуемой группы.

Судя по интервью, источником дополнительного заработка нередко становятся формы активности, свойственные 1990-м годам и частично идущие еще от советского периода, — репетиторство, «домашние» медицинские услуги, консалтинг в самом широком смысле слова, организация и музыкальное сопровождение праздников и т.д. Многие из них, как и прежде, связаны с рабочим местом, точнее, с обусловленными им коммуникациями. Однако и здесь появляются нюансы.

Стратегии 90-х годов трансформируются, утрачивая связь с традиционной занятостью. Профессиональные навыки уже конвертируются в доход без использования привычных моделей поиска клиентов и поддержания клиентской базы.

«Я много лет проработал в вузе. Кандидат наук. Конечно, репетиторство было и раньше. Но раньше оно было как бы дополнительное. Основное было преподавание студентам. Только года с одиннадцатого преподавать стало не то чтобы трудно [пауза], противно, что ли? Всякие бумаги, отчеты. Не хочу. Вот теперь я собираю группу и занимаюсь с ними математикой и информатикой. Просто слух уже идет. Одни родители обо мне другим рассказывают. И удовольствие, и доход, и, так сказать, результат видишь. <...> В вузе я на четверть ставки остался. На всякий случай» (мужчина, 52 года, преподаватель).

Основой для коммуникации теперь выступает не рабочее место, а слухи, рекомендации знакомых. По сути, выстраивается сеть за пределами рабочего места. Возможно, когда-то оно и сыграло роль в ее формировании, но сегодня она существует уже вполне автономно.

«Я работала в поликлинике лет, наверное, 20. Устала, честно сказать, до чертиков. Нервы, бумаги, зарплаты не хватает. Словом, ушла. Думала, проживу на пенсию, подработаю чуть-чуть. Так не поверите, через неделю стали ко мне соседи заходить. Укол, там, или давление померить. Потом больше. Сначала стеснялась деньги брать. А потом подумала: это работа, а за работу нужно платить. Сейчас домов пять обслуживаю. Только не как в поликлинике. Отношения домашние, дружеские. И денег не меньше, и свободы больше» (женщина, 56 лет, медицинская сестра).

Спектр возможных форм занятости здесь достаточно широк, но чаще всего речь идет о применении профессиональных навыков за пределами узкопрофессиональной сферы. Общим является и то, что подобного рода активность крайне редко регистрируется (предприятие, предприниматель без образования юридического лица, патент и др.): издержки легального предпринимательства существенно превосходят опасности, сопряженные с нелегальным промыслом. Последние оцениваются респондентами как маловероятные.

«Государство меня поймает? На чем? Да, занимаюсь с соседским мальчиком. Примеры помогаю решать. Попросили. Где-то запрещено? Вот и идите... по определенному адресу. <...> Конечно, подстава возможна. Но это если ты уже совсем берегов не видишь. В принципе шансов попасться у меня меньше, чем, скажем, у Вас попасть под автомобиль, переходя дорогу» (мужчина, 52 года, преподаватель вуза).

Одновременно возникают и новые виды деятельности — и весьма разнообразные. Среди форм подработки в интервью упоминались: визаж и парикмахерские услуги, изготовление на заказ кондитерских изделий, сдача квартир посуточно, написание программ, изготовление уникальных игрушек и украшений, разработка сайтов, продажа алкоголя в «запрещенное время», производство и сбыт сельскохозяйственной продукции, ремонт и многое другое. Здесь гораздо активнее младшая возрастная группа.

В качестве основы для формирования клиентской базы ее представители задействуют группы в социальных сетях, активно используют схемы, предполагающие распределение производственных и иных функций между несколькими участниками «бизнеса». Если старшее поколение, несмотря на наличие сети, по большей части не выходит за рамки «кустарей-одинок», то младшее создает уже целые «предприятия» с достаточно сложной структурой и разделением труда.

«У нас все четко. Один дачи объезжает на машине, картошку, огурчики с помидорчиками скупает. У нас уже свои, можно сказать, дачники есть. Специально для нас высаживают. Так вот. Один скупает, я хранение обеспечиваю, а третий в городе с людьми договаривается. Все честно. Позвонили, договорились, привезли. Все в шоколаде» (мужчина, 29 лет, инженер в вузе).

Контакты с видимой (легальной) частью социального пространства в данном случае ограничиваются наличием формальной должности,

значимость которой определяется ее способностью приносить доход. Как только доход или условия занятости перестают устраивать такого «адаптированного бюджетника», он просто увольняется. Причем условия труда, точнее, время, затрачиваемое на работу, здесь важнее размеров зарплаты. Ведь основной доход часто не связан с официальным рабочим местом. Соответственно, возрастание времени, которое работник вынужден проводить на «службе», означает для него реальные, нередко фатальные финансовые потери.

Что дальше

Рабочее место еще обеспечивает бюджетнику определенный доход, а сопряженные с официальной работой временные затраты пока не закрыли перед ним возможность дополнительного заработка. Тем не менее случаи, когда человек увольняется потому, что основная работа мешает неофициальной занятости или предпринимательству, в интервью уже приводились. Общая тенденция к дистанцированию от каких-либо официально-публичных действий, снижению роли формальной занятости, пусть еще не массовая, уже прослеживается.

Сегодня и в органах власти, и в прессе все шире обсуждается необходимость легализации «теневых» форм занятости, с тем чтобы увеличить доходы бюджетов, более равномерно распределить нагрузку на бизнес²⁹. Одним из шагов на пути к решению этой задачи должно стать введение патентов для самозанятых, казалось бы обеспечивающих им достаточно щадящие условия выхода из «тени». На первый взгляд, это должно положить конец упомянутой тенденции. Однако в реальности все выглядит сложнее.

²⁹ Грицюк 2015.

Доходы населения, в том числе бюджетников, от неформальной деятельности — это не сверхприбыли, а возможность обеспечить себе и близким минимально комфортное существование. Увеличение изъятия из таких доходов чревато для людей скатыванием в нищету. Тем более что легализация, как видно из интервью, автоматически влечет за собой все новые и новые виды платежей. Не менее важно, что правила и запреты, выходящие из различных департаментов, будучи обязательными для исполнения, слабо коррелируют между собой, а то и просто вступают в противоречие друг с другом. Возрождается ситуация, когда быть полностью законопослушным просто невозможно, поскольку практически любое действие социального или хозяйственного агента неизбежно нарушает какое-то из предписаний. В свое время я обозначил данную ситуацию как «презумпцию виновности»³⁰.

³⁰ Бляхер 2003.

В 1990-е годы подобное положение вещей сглаживалось наличием неформальных правил, позволявших агенту обходить «презумпцию виновности». Но на сегодняшний день эти правила разрушены или подорваны. В этих условиях всякая проверка может оказаться фатальной. Призывы же «не кошмарить бизнес», как показывают исследования³¹, остаются не более чем призывами. Между тем проверки легальных хозяйствующих субъектов (чаще всего прокурорские), даже не доходящие

³¹ См., напр. Шклярук 2014.

до возбуждения уголовных дел, ведут к штрафам, которые сравнимы с налоговыми изъятиями, а где-то и превосходят их. Причем сравнимы не только по своим размерам, но и по регулярности.

При такого рода системе риски легальности заметно превосходят риски ухода в «тень». В результате организацию транзакций берет на себя сеть, обеспечивающая высокий уровень межличностного доверия между ее участниками. На микроуровне она способна поддерживать порядок эффективнее, чем громоздкий государственный аппарат. Потребность же в удаленных транзакциях пока не ощущается.

Поскольку потребность микробизнеса во внешнем контроле и внешней поддержке минимальна, давление со стороны государства воспринимается им не как плата за доступ к неким общественным благам (пенсии, здравоохранение и т.д.), но как структурное насилие. А насилие неизбежно вызывает противодействие, главной формой которого и является уход в «тень». Эффективность такого противодействия связана с тем, что сама возможность изъятия в данном случае крайне ограничена и затраты на его осуществление могут оказаться заметно выше гипотетических поступлений в бюджет. Усиление же давления ведет либо к прекращению подобного «бизнеса», либо (чаще) к его дальнейшему погружению в «тень», ко все большему свертыванию контактов с миром формальных (государственных) структур. В итоге сама реальность все больше расслаивается на легальную, в которой происходит борьба политических групп, действуют социальные активисты, падает цена на нефть и курс рубля и т.д., и невидимую, сегментированную. Эта реальность существует в рамках локальных социальных сетей, вполне автономно. Каждая из сетей ориентирована прежде всего на выживание ее участников. Однако формой этого выживания становится удовлетворение значимых социальных потребностей — от базовых до образовательных и информационных.

Локальные функциональные сети начинают срастаться уже сегодня, образуя целые сообщества за пределами статистики и формального регулирования. Пока такие сообщества существуют на периферии реальности, в забытых Богом углах³², но по мере падения доходов населения они вполне могут начать прорастать в гораздо более крупные социальные структуры, вырастая инструменты, необходимые для выживания. Пространство легальной реальности при этом неминуемо будет сокращаться как в численном отношении (ибо возможностей кормить чиновников, силовиков и бюджетников становится все меньше), так и функционально. «Невидимая» реальность все активнее будет брать на себя функции основной. При таком варианте развития зазор между реальностью и легальными формами ее презентации может достичь катастрофических размеров, ставя под вопрос само существование социальной ткани за пределами локального сообщества.

Но возможен и иной вариант, сопряженный с признанием самого факта «расслоенной» реальности и объективно обусловленных пределов

³² Познаенко 2016.

государственного контроля и государственной социальной политики. В этом случае «теневая» реальность (неправильная, архаическая и какая угодно иная), связанная с самообеспечением и самодеятельностью населения, просто отпускается на свободу. Она действует в параллельном мире, освобождая государство от непосильных бюджетных обязательств. Такой поворот событий открывает шанс на установление плодотворных, хотя и не вполне формальных контактов между слабеющим государством и самодеятельным населением, существующим за его пределами, но на той же территории. Ведь в плане производства порядка государство, по крайней мере теоретически, превосходит частных игроков. Да и выход на удаленные трансакции оно может сделать более дешевым. Соответственно, эти и какие-то другие услуги могут оказаться востребованными.

Будет ли эта система передовой и эффективной? Не обязательно. Но она будет работающей и устойчивой к внешним потрясениям. Более того, из нее, пусть крайне медленно, могут начать вырастать вполне жизнеспособные макросоциальные и политические структуры.

Библиография

Алексеев Е. С., Сергеев В. М. 2008. Темный колодец власти (О границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности). — *Полис*. № 3.

Барсукова С.В. 2005. *Самоидентификация «новых бедных» семей в процессе трансформации российского общества*. Автореферат дисс. на соискание уч. степени кандидата социологических наук. — Новочеркасск.

Беляева Л.А. 2001. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // *Социологические исследования*. № 6.

Бляхер Л.Е. (ред.) 2000. *Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса: На примере мелких предпринимателей и самозанятых*. — М.

Бляхер Л.Е. 2003. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // *Полис*. № 1.

Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. 2014. Мифология управления (Политика министерства vs. политика вузов: динамика противостояния) // *Полития*. № 1.

Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. 2012. Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией в России // *Полития*. № 4.

Волков В.В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: Экономико-социологический анализ*. — СПб.

Воронин Г.Л. 2001. Социальное самочувствие россиян (1994—1996—1998 гг.) // *Социологические исследования*. № 6.

ВЦИОМ. 2015. Правительство vs. кризис: кто кого? // *Пресс-выпуск № 3073* (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115644>).

Горшков М.К. (ред.) 2011. *Двадцать лет реформ глазами россиян: Опыт многолетних социологических замеров*. — М.

Грицок М. 2015. Няня в тени // *Российская газета*. 04.06. (<http://rg.ru/2015/06/04/rabotniki.html>).

Зубаревич Н.В. 2015. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // *Региональные исследования*. № 1.

Павлов А. 2015. *Вопреки государству: что помогает населению выжить в кризис* (<http://www.rbc.ru/opinions/society/26/01/2016/56a755e49a794740e4162175>).

Панеях Э. 1997. Издержки легальной экономической деятельности // *Тезисы докладов конференции СПбГУ «Человек. Природа. Общество»*. — СПб.

Плюснин Ю.М. 2016. Вдали от государства: отходники и власть в современной России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1.

Познаенко А. 2016. *Они абсолютно свободны* (<http://zapovednik.space/material/Oni-absolutno-svobodny>).

Рогозин Д. 2012. Образовательные услуги и индикаторы их качества // *Отечественные записки*. № 4.

Симонян Р.Х. 2012. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // *Социологические исследования*. № 1.

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. — М.

Справедливые требования бюджетников поддержало недавно созданное общество «Союз родителей в защиту прав детей». 1990 // *Советская культура*. 28.04.

Телевизор против холодильника. 2016 (<http://echo.msk.ru/programs/klinch/1713818-echo/>).

Тихонова Н.Е. 2014. Феномен бедности в современной России // *Социологические исследования*. № 1.

Хамраев В. 2015. Эйфория оставила россиян // *Коммерсант.ru*. 29.01 (<http://www.kommersant.ru/doc/2655839>).

Шклярук М. 2014. Обвинительный уклон: кто и как кошмарит бизнес // *РБК*. 10.12 (<http://www.rbc.ru/newspaper/2014/12/10/56bd58279a7947299f72c5be>).

Шурыгина И.И. 2001. Культурные ресурсы и культурный капитал «новых бедных» // *Общественные науки и современность*. № 5.

Bliakher L. 2013. The Regional Barons // *Russian Politics and Law*. Vol. 51. № 4.

Geertz C. 1978. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing // *American Economic Review*. Vol. 68. № 2.

Paneyakh E.L. 2014. Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 2—3.

References

- Alekseenkova** E. S., **Sergeev** V. M. 2008. Temnyj kolodec vlasti (O granice mezhdru privatnojj sferojj gosudarstva i privatnojj sferojj lichnosti). — *Polis*. № 3.
- Barsukova** S.V. 2005. *Samoidentifikacija «novykh bednykh» semejj v processe transformacii rossijskogo obshhestva*. Avtoreferat diss. na soiskanie uch. stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. — Novocherkassk.
- Belyaeva** L.A. 2001. Strategii vyzhivaniya, adaptacii, preuspejaniya // *Sociologicheskie issledovanija*. № 6.
- Bliakher** L. 2013. The Regional Barons // *Russian Politics and Law*. Vol. 51. № 4.
- Blyakher** L.E. (ed.) 2000. *Izmenenie povedenija ehkonomicheski aktivnogo naselenija v uslovijakh krizisa: Na primere melkikh predprinimatelej i samozanjatykh*. — M.
- Blyakher** L.E. 2003. Vlastnye igry v krizisnom sociume: preobrazovanie rossijskojj institucional'nojj struktury // *Polis*. № 1.
- Blyakher** L.E., **Blyakher** M.L. 2014. Mifologija upravlenija (Politika ministerstva vs. politika vuzov: dinamika protivostojaniya) // *Politeia*. № 1.
- Blyakher** L.E., **Pegin** N.A. 2012. Korrupcija kak politicheskaja problema: kto, kak i zachem srazhaetsja s korrupciejj v Rossii // *Politeia*. № 4.
- Geertz** C. 1978. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing // *American Economic Review*. Vol. 68. № 2.
- Gorshkov** M.K. (ed.) 2011. *Dvadcat' let reform glazami rossijan: Opyt mnogoletnikh sociologicheskikh zamerov*. — M.
- Gricjuk** M. 2015. Njanja v teni // *Rossijskaja gazeta*. 04.06. (<http://rg.ru/2015/06/04/rabotniki.html>).
- Khamraev** V. 2015. Ehjfforija ostavila rossijan // *Kommersant.ru*. 29.01 (<http://www.kommersant.ru/doc/2655839>).
- Paneyakh** E. 1997. Izderzhki legal'nojj ehkonomicheskojj dejatel'nosti // *Tezisy dokladov konferencii SPbGU «Chelovek. Priroda. Obshhestvo»*. — SPb.
- Paneyakh** E.L. 2014. Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 2—3.
- Pavlov** A. 2015. *Vopreki gosudarstvu: chto pomogaet naseleniju vyzhit' v krizis* (<http://www.rbc.ru/opinions/society/26/01/2016/56a755e49a794740e4162175>).
- Plusnin** Ju.M. 2016. Vdali ot gosudarstva: otkhodniki i vlast' v sovremennojj Rossii // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. № 1.
- Poznaenko** A. 2016. *Oni absolutno svobodny* (<http://zapovednik.space/material/Oni-absolutno-svobodny>).
- Rogozin** D. 2012. Obrazovatel'nye uslugi i indikatory ikh kachestva // *Otechestvennye zapiski*. № 4.
- Scott** J. 2005. *Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskojj zhizni*. — M.

Shklyaruk M. 2014. Obvinitel'nyj uklon: kto i kak koshmarit biznes // *RBC*. 10.12 (<http://www.rbc.ru/newspaper/2014/12/10/56bd58279a7947299f72c5be>).

Shurygina I.I. 2001. Kul'turnye resursy i kul'turnyj kapital «novykh bednykh» // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 5.

Simonyan R.Kh. 2012. Reformy 1990-kh godov i sovremennaja social'naja struktura rossijskogo obshhestva // *Sociologicheskie issledovanija*. № 1.

Spravedlivye trebovanija bjudzhetnikov podderzhalo nedavno sozdanoe obshhestvo «Sojuz roditel'ev v zashhitu prav detej». 1990 // *Sovetskaja kul'tura*. 28.04.

Televizor protiv kholodil'nika. 2016 (<http://echo.msk.ru/programs/klinch/1713818-echo/>).

Tikhonova N.E. 2014. Fenomen bednosti v sovremennoj Rossii // *Sociologicheskie issledovanija*. № 1.

VCIOM. 2015. Pravitel'stvo vs. krizis: kto kogo? // *Press-vypusk № 3073* (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115644>).

Volkov V.V. 2012. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: Ehkonomiko-sociologicheskij analiz*. — SPb.

Voronin G.L. 2001. Social'noe samochuvstvie rossijan (1994—1996—1998 gg.) // *Sociologicheskie issledovanija*. № 6.

Zubarevich N.V. 2015. Krizisy v postsovetsoj Rossii: regional'naja projekcija // *Regional'nye issledovanija*. № 1.